

УДК 378.4(45)"05/..."

Райнхардт Р.О.

БОЛОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ЦЕНТРОВ САМООРГАНИЗАЦИИ ИТАЛЬЯНСКОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Ключевые слова: научное сообщество, история науки, Болонский университет, Академия Платона, наука и образование в Италии, научная политика.

История развития итальянского научного сообщества до сих пор не получила систематического и последовательного освещения в отечественной научной литературе. Отдельные этапы данного развития были рассмотрены в наших предыдущих работах: эпоха Просвещения и Рисорджименто (XVII–XIX вв.) (Райнхардт, 2016а) и период фашизма (1923–1943 гг.) (Райнхардт, 2016б). Известны работы других российских исследователей, имеющих отношение к данной проблематике и частично описывающих национальную политику в сфере науки и образования Итальянской социальной республики (1943–1945 гг.) (Нестеров, 2014) и Второй итальянской республики (1993 г. – настоящее время) (Маслова, 2012, 2014). Некоторые частные вопросы, связанные с взаимодействием итальянского научного сообщества и дипломатических работников на протяжении всей истории Италии, раскрыты в сочинении Т.В. Зоновой (Зонова, 2014). Что касается более ранних этапов, то напрямую данная тематика до настоящего времени не получила подробного описания в российской специализированной литературе.

Степень ее разработанности в зарубежных сочинениях также нельзя оценить как высокую: комплексное, а не фрагментарное рассмотрение начальных периодов развития итальянского научного сообщества до Нового времени находим в трудах немногочисленных итальянских (Russo, Santoni, 2010; Brizzi e al., 2007; Tanzella-Nitti, http://antonellamartini.weebly.com/uploads/1/4/1/4/1414797/breve_storia_universit.pdf) и британских (Pedersen, 1997) авторов. Тем не менее думается, что обозначенная проблематика

представляет интерес с точки зрения изучения не только истории науки Италии, но и всей западной цивилизации. В рамках частичного и постепенного восполнения данного пробела в настоящей работе речь идет о Болонском университете как одном из важнейших центров самоорганизации научного сообщества в Средние века. При этом акцент сделан на институциональных аспектах функционирования указанного заведения, взаимодействии студентов и профессоров, взаимосвязи науки и высшего образования. Полагаем, что именно такой подход наиболее полезен для выявления отличительных черт и определения национальных особенностей функционирования итальянских научных коллективов, имеющих глубокие исторические корни, но не теряющих значения и в наши дни.

От Академии Платона к Болонскому университету

Основным прототипом самоорганизации западных вообще и итальянских в частности научных коллективов многие исследователи считают афинскую Академию Платона, существовавшую примерно с 380-х гг. до н.э. до ее официального закрытия в 529 г. указом императора Юстиниана. Таким образом, функционирование Академии хронологически относится к периоду Античности, а географически – к современной Греции, входившей на протяжении большей части вышеуказанного временного интервала в состав Римской державы, и может быть лишь условно соотнесено с историей собственно итальянской науки. Тем не менее основания для такого соотнесения имеются и частично раскрыты в сочинениях Л. Руссо, Е. Сантони (Russo,

Santoni, 2010) и Дж. Тандзелла-Нитти (Tanzella-Nitti, http://antonellamartini.weebly.com/uploads/1/4/1/4/1414797/breve_storia_universit.pdf). Не останавливаясь подробно на данном прообразе научного института, безусловно заслуживающем детального исследования, отметим значимую роль, которую он играл в развитии западной науки на более поздних этапах. Также исходим из того, что он действительно до определенной степени был предшественником многих научных и образовательных центров, в том числе Болонского университета.

Датой основания последнего принято считать 1088 г. – реперную точку, которая была установлена лишь в XIX в. комиссией во главе с Дж. Кардуччи (Brizzi e al., 2007). В плане преемственности может показаться интересным тот факт, что будущая *Alma mater studiorum* возникла на базе болонской школы глоссаторов, т.е. юристов, изучавших и комментировавших свод законов Юстиниана, с именем которого, как было упомянуто выше, связано окончательное прекращение деятельности Академии в Афинах. Для отрезка в более чем 500 лет (529–1088 гг.) «между Афинами и Болоньей» были характерны следующие процессы, в дальнейшем повлиявшие на самоорганизацию итальянского научного сообщества.

Во-первых, обогащение за счет контактов с восточной и особенно с арабской культурой. Еще во время существования Академии неоплатоническая школа начинает смещаться на Восток, в частности в египетскую Александрию. После закрытия Академии последний ее глава (сколарх) Дамаский со своими ближайшими спод-

вижниками направляется в Персию. В арабском халифате идеи Платона, Аристотеля, других древнегреческих и древнеримских авторов получают новое осмысление и наряду с прочими достижениями науки и культуры возвращаются в Италию через ее южные территории (Сицилия, отдельные области континентальной части), Мальту, а также Испанию (Аль-Андалус). Значение «арабской добавленной стоимости» для европейской науки и культуры рассматриваемого периода в целом общеизвестно. В ключе становления научной культуры Италии важно то, что в силу геополитического положения страна стала своего рода «окном в Европу» для арабской научной мысли, первой площадкой для академического диалога «Восток – Запад».

Во-вторых, эволюционное развитие высших образовательных учреждений, увенчавшееся появлением Константинопольского Атеней и Салернской врачебной школы. Что касается Византии, то функционирование так называемой Магнаврской высшей школы, также известной как Пандидактерион, стало органическим продолжением традиции обучения в риторских и философских школах Древней Греции, затем в атенеях Древнего Рима¹. То же относится к

первому медицинскому вузу Западной Европы в г. Салерно. Обе структуры сформировались к IX в. на базе имевшихся научно-практических наработок, что позволяет говорить не об их основании путем решения «сверху», но об институциональной кристаллизации. В то же время рассматривать данные феномены в исследуемом контексте именно как формы самоорганизации научного сообщества не видится целесообразным. Действительно, как и в школах софистов Древней Греции, а также гимназиях, речь здесь идет именно об учебных заведениях. Переход в разряд организационной формы научного сообщества предполагает не просто наличие системы передачи знаний, но ее расширение за счет реализации научных проектов – в том числе совместными усилиями старших и младших научных кадров (учителей и учеников).

В указанных заведениях, в отличие от той же платоновской Академии, подобная работа не велась на систематической и регулярной основе, носила очаговый характер (Speck, 1974). Более того, даже нередко встречающееся в специализированной литературе название «Константинопольский университет», равно как и «Салернский университет», едва ли видится релевантным и корректным (Speck, 1974). Допустимо провести практически полную аналогию с марокканским Аль-Карауином (середина IX в., г. Фес), изначально имевшим форму медресе. Не вдаваясь в подробности, отметим, что перечисленные школы, безусловно, были высшими образовательными учреждениями, однако не воплощали в себе идеи ни университета, ни организованной формы научного со-

¹Этимологически атеней представляет собой очередную апелляцию к Афинам как ведущему научному центру Античности. В Риме первый атеней был учрежден в 135 г. императором Адрианом. Затем аналогичные заведения стали открываться в городах Галии, Антиохии, Александрии, наконец в Константинополе (425 г.). Восприятие же высшей школы как органического продолжения средней исторически и по сегодняшний день характерно для Италии. Оно выражается, в частности, в системе поступления в вузы, в рамках которой вступительные экзамены играют гораздо меньшую роль, чем, например, в России.

общества в современной трактовке этих категорий. Впрочем, данное обстоятельство нисколько не умаляет их значения для развития мировой науки и педагогики. Также еще раз подчеркнем важность органичного развития, «вырастания» де-факто средней школы в высшую.

В-третьих, влияние христианской культуры на сознание и деятельность ученых. С утверждением христианства на территории Римской империи важными центрами европейской культуры и науки, как известно, становятся монастыри. Близость итальянских монастырей и аббатств к Святому Престолу играет большую роль сама по себе, хотя бы вследствие своего рода «духовной гравитации». Несмотря на последующие процессы секуляризации, влияние католической церкви на жизнь итальянских научных кадров велико и в настоящее время. В идейном плане оно выражается в культивации особого мировоззрения, опирающегося на соответствующие ценности¹. В научно-исследовательском плане – в стремлении к систематизации научного знания, энциклопедизму (традиции монахов, но также древнеримских авторов – Плиния Старшего и др.), схоластических и догматических элементах. Наконец, в организационно-институциональном – в появлении уже в XX в. в Италии католических университетов: Università Cattolica del Sacro Cuore в Милане (основан в 1921 г.) и др.

¹ Даже в случае противоречий непосредственно с церковью многие итальянские ученые (например, Галилео Галилей) позиционировали себя как верующие – тенденция в той или иной степени характерная и на современном этапе.

Вместе с тем главный средневековый научно-образовательный центр в области теологии располагался не в Италии, но в столице наихристианнейших королей Париже (XII в.). Болонья же стала цитаделью юридической науки, через распространение и развитие которой также служила интересам Римской курии. История и общая характеристика данного учебного заведения приведены в упомянутых выше научных трудах (Brizzi e al., 2007; Pedersen, 1997; Tanzella-Nitti, http://antonellamartini.weebly.com/uploads/1/4/1/4/1414797/breve_storia_universit.pdf), что избавляет нас от необходимости их освещения. Исходя из этого, имеет смысл остановиться лишь на некоторых принципиальных моментах, связанных с особенностями функционирования первого западноевропейского университета и важных с точки зрения развития итальянского научного сообщества.

Болонский университет как цитадель средневековой науки в Италии

Опираясь на принципы институционализма, Болонский университет допустимо рассматривать в виде системы, в рамках которой взаимодействуют два основных элемента – сообщество студентов (*universitas scholarium*) и сообщество профессоров (*universitas magistrorum*). Иными словами, это своеобразная переговорная площадка для диалога между двумя корпорациями – обучающихся и преподавателей, – на которой решались ключевые вопросы их взаимодействия, причем не только научные. Так, важной составляющей двусторонней повестки была

коммерческая сторона образовательного процесса.

В условиях изначально отсутствующего регулирования со стороны каких бы то ни было властей и ими уполномоченных органов оплата труда преподавателей полностью зависела от спроса студентов на их услуги. Таким образом, в терминах теории контрактов рассматриваемое заведение представлено в виде классической модели, в которой участники стремятся к максимизации своей полезности, действуя в асимметричном информационном поле. С учетом этого, оперируя категориями современной экономической теории, ситуацию уместно определить как рынок, на котором имеет место конфронтация олигополии *universitas magistrorum* и монополии *universitas scholarium*. Именно в результате этих процессов происходит ценообразование, т.е. определение вознаграждения преподавателей, и в более широком смысле формирование финансовых потоков, обеспечивающих обмен благами между членами научного сообщества. Заметим, что формализация микроэкономической модели, описывающей соответствующие процессы, насколько нам известно, еще не проводилась. Думается, что данная задача может представлять определенный исторический, экономико-теоретический и даже практический интерес. Вероятно, ее решение может опираться на положения институциональной экономической теории, теории контрактов и экономического империализма.

Итак, что касается спроса, то он родился в ячейках студенческой среды, называемых нациями (*nationes*), которые по своему внутреннему устройству напоминали типичные средне-

вековые корпорации (гильдии, цеха и т.п.). Вопрос о том, что появилось раньше – *nationes* или *universitates*, – среди историков до сих пор остается открытым (Pini, http://www.itinerarimedievali.unipr.it/v2/pdf/P_pini_nationes_studentesche.pdf). При этом важно то, что данные ассоциации финансировали профессоров путем коллективного сбора средств. Соответственно, их позиции изначально были крепки по принципу «кто платит, тот и заказывает музыку». Помимо данной функции студенческий корпус в лице выборных органов (*rectores* и представители национальных коллегий) решал большинство других административных задач: назначение и оценка работы профессоров, помощь членам студенческого братства (внутренняя политика), выстраивание отношений с властями разных уровней (внешняя политика) и др. То обстоятельство, что Болонский университет рос «снизу», т.е. на базе студенческих инициатив, представляется весьма существенным для самосознания представителей итальянских научных кругов.

Другой не менее значимой чертой видится национальный фактор. В эпоху, когда о концепции государственности речи идти не могло, а до объединения Италии оставалось еще около 800 лет, принадлежность к итальянскому этносу в широком смысле уже играла основополагающую роль в университетской жизни. Разделение на две группы – цитрамонтанов и ультрамонтанов (уроженцев земель по одну и другую сторону Альп соответственно) – фактически означало сегрегацию «итальянец – неитальянец» (для сравнения: в Парижском университете традиционно было че-

тыре нации (*quatre nations*) – по числу сторон света и без явного выделения французов. Видоизмененная, эта идея, вероятно, ляжет в основу внутреннего устройства Hogwarts в знаменитой саге Дж. Роулинг). Разумеется, это не подразумевало прямой вражды (разве что определенную конкуренцию), однако принадлежность к тому или иному землячеству (внутри каждой из двух подгрупп их насчитывалось более десятка) была немаловажной характеристикой члена сообщества. Таким образом, несмотря на само название «университет», вызывающее в коннотативном ряду ассоциации с интернационализмом, исторически научное сообщество Италии выстраивалось на национальных началах.

Говоря о предложении на образовательные услуги со стороны профессорско-преподавательского корпуса, следует иметь в виду, что по сравнению с упомянутым Парижским университетом исходное положение *universitas magistrorum* было квазиподчиненным. Особенности контрактов с лекторами (*doctores legentes*) были срочность (договор на фиксированный срок) и исключительность (запрет на преподавательскую деятельность за пределами университета). Как следствие, успех научной карьеры определялся их личными качествами и педагогическими способностями, умением заработать авторитет среди студентов, которые могли в любой момент отказаться от предлагаемых услуг и найти замену. Данную необходимость, которая никогда не была столь выраженной и характерной для большинства других средневековых университетов Европы, можно также отнести к числу аутентичных черт итальянской модели самоор-

ганизации научного сообщества (наиболее ярким противопоставлением, как уже отмечалось, видится Париж, где объединенный в корпорации профессорат практически всегда играл доминирующую роль. Нации же по своему духу и функционалу были близки, скорее, к французским компаньонам – союзам взаимопомощи подмастерьев для борьбы с мастерами).

В ряду важных в настоящем контексте специфических черт следует отдельно выделить то, что Болонский университет, как и некоторые другие в Италии, а также за ее пределами, подчинялся непосредственно Римскому Папе и был де-юре независим от местных властей. Члены *universitas magistrorum et scholarium* пользовались рядом привилегий (*privilegium fori*) и свобод (*libertas academica*): неподсудность местным органам власти, освобождение от некоторых налогов и несения воинской службы и т.д. В совокупности эти условия означали особый административно-правовой и экономический режим, отдельные элементы которого в XX в. найдут воплощение в технопарках, наукоградах, иннополисах и иных аналогичных структурах. В совокупности данный набор характеристик позволяет судить о Болонском университете в Средние века как об уникальной форме организации научного сообщества – учебно-научно-практическом комплексе, во многом определившем дальнейшее развитие итальянской и западноевропейской науки.

Подводя итог, следует перечислить основные черты итальянской модели самоорганизации научного сообщества, выявленные в ходе исторического анализа рассмотренного периода и

актуальные для современного этапа. Во-первых, открытость к внешнему миру, стимулирование контактов с ним, взаимопроникновение элементов научной культуры других стран и регионов, отсутствие замкнутости на себе, стремление к интернационализации и высокой академической мобильности. Во-вторых, изначально эндогенное формирование, органическое вырастание из более примитивных форм научной и образовательной деятельности, склонность к самоорганизации. В-третьих, заметное присутствие элементов католической этики и соответствующего мировоззрения, исторически тесное взаимодействие со Святым Престолом. В-четвертых, традиционное противостояние старших и младших членов научного сообщества (профессоров и студентов), корпоративизм обеих групп, исконно сильные позиции студентов. Наконец, в-пятых, высокое значение национальности, а также «малой родины» (этническая, диалектально-языковая принадлежность) как характеристики члена сообщества, не подразумевающее, впрочем, дискриминации иных лиц на этой почве. Полагаем, что отголоски перечисленных черт до сих пор присутствуют в качестве элемента самосознания итальянского научного сообщества (Маслова, 2014) и представляют интерес с точки зрения изучения педагогики и психологии высшей школы.

Литература

1. Зонova Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы. М.: Аспект-Пресс, 2014.
2. Маслова Е.А. Италия: образование и экономическое развитие // Современная Европа. 2014. № 4. С. 61–69.
3. Маслова Е.А. Расстановка политических сил в Италии накануне выборов в Парламент 2006 г. //

- Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 180–188.
4. Нестеров А.Г. Политика Итальянской социальной республики в сфере образования (1943–1945) // Научный диалог. 2014. № 8. С. 105–115.
 5. Райнхардт Р.О. Итальянская модель самоорганизации научного сообщества в период фашизма: критический анализ // Среднее профессиональное образование. 2016а. № 12. С. 39–42.
 6. Райнхардт Р.О. Развитие итальянской модели самоорганизации научного сообщества в XVII–XX веках // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2016б. № 11. С. 43–49.
 7. Brizzi, G.P., P. del Negro e A. Romano, 2007. Storia delle Università in Italia. Messina: Sicania.
 8. Pedersen, O., 1997. The First Universities: Studium Generale and the Origins of University Education in Europe. Cambridge: Cambridge University Press.
 9. Pini A.I., 2003. Le 'nationes' studentesche nel modello universitario bolognese nel medio evo. URL: http://www.itinerarimedievali.unipr.it/v2/pdf/P_pini_nationes_studentesche.pdf.
 10. Russo, L. e E. Santoni, 2010. Ingegni minuti. Una storia della scienza in Italia. Milano: Feltrinelli.
 11. Speck P., 1974. Die kaiserliche Universität von Konstantinopel. Präzisierungen zur Frage des höheren Schulwesens in Byzanz in 9. und 10. Jahrhundert. München: C.H. Beck.
 12. Tanzella-Nitti, G., 2014. Breve storia dell'Università. URL: http://antonellamartini.weebly.com/uploads/1/4/1/4/1414797/breve_storia_universit.pdf.

References

1. Zonova, T.V., 2014. Diplomacy: models, forms, methods. Moscow: published by Aspekt-Press. (rus)
2. Maslova, E.A., 2014. Italy: education and economic development. Modern Europe, 4: 61–69. (rus)
3. Maslova, E.A., 2012. Arrangement of political forces in Italy on the eve of parliamentary elections in 2006. News of the Ural Federal University. Series the Humanities, 1: 180–188. (rus)
4. Nesterov, A.G., 2014. Policy of the Italian social republic in education (1943–1945). Scientific Dialogue, 8: 105–115. (rus)
5. Rainkhardt, R.O., 2016(a). The Italian model of self-organization of scientific community in the period of fascism: critical analysis. Secondary Professional Education, 12: 39–42. (rus)
6. Rainkhardt, R.O., 2016(b). Development of the Italian model of self-organization of scientific community in the 17–19th centuries. News-Bulletin of Southern Federal University. Pedagogical Sciences, 11: 43–49. (rus)

7. *Brizzi, G.P., P. del Negro and A. Romano*, 2007. History of universities of Italy. Messina: Sicania. (ital)
8. *Pedersen, O.*, 1997. The First Universities: Studium Generale and the Origins of University Education in Europe. Cambridge: Cambridge University Press.
9. *Pini A.I.*, 2003. Student's «nations» in model of University of Bologna in the Middle Ages. URL: http://www.itinerarimedievali.unipr.it/v2/pdf/P_pini_nationes_studentesche.pdf. (ital)
10. *Russo, L. and E. Santoni*, 2010. Intellectual minutes. Science history in Italy. Milano: Feltrinelli. (ital)
11. *Speck P.*, 1974. Imperial university in Constantinople. Explanations concerning the higher education in Byzantium in the 9th and 10th centuries. München: C.H. Beck. (germ)
12. *Tanzella-Nitti, G.*, 2014. Short history of university. URL: http://antonellamartini.weebly.com/uploads/1/4/1/4/1414797/breve_storia_universit.pdf. (ital)